

Научная статья
УДК 1(091)(470)

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-96>

«ФИЛОСОФИЯ ПРАВДЫ» АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА (В.Н. ВОСКРЕСЕНСКОГО): ОПЫТ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В. В. Ванчугов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен творческий проект одного из деятелей первой половины XIX века, богослова и философа, ученого монаха архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского). Архимандрит Гавриил является ключевой фигурой для понимания историко-философского процесса в России по нескольким основаниям. Прежде всего, он создатель первой в мире истории русской философии, создав новый для своего времени академический жанр «русская философия». Но будучи интеллектуальным «пионером» в историографическом формате, он последовательно конструирует не только «русскую философию», но и национальную философию права, именуемую как «философская правда». После создания первой в России «истории русской философии» (1840), архимандрит Гавриил берется за разработку в императорском Казанском университете учебного пособия, в котором представлена философия права, отражающая установки сознания его времени, для которого характерно столкновение «веры и разума», «консервативного и либерального». Придерживаясь параметров историко-философского исследования (раскрытие формы и сути идей в их истории, генеалогия интеллектуального процесса), осуществить реконструкцию творческого события, креативного акта, где доминантой является формирование национально-ориентированной философии права, учитывающей европейский опыт, но предпочитающей собственную тематику и проблематику, материал и метод. Данное исследование производится с установкой на гуманитарную археологию ключевых обстоятельств, оказывающих влияние на научный и образовательный процесс середины XIX века: высшая школа, церковь и государство, идеология и просвещение, обновление академических техник и практик при сохранении ценностей, присущих отечественному культурному нарративу. Для реализации поставленных задач используется принцип «интеллектуального расследования», основу которого составляет историко-философская реконструкция и культурно-цивилизационная герменевтика. В результате проведенного исследования представлен комплекс ключевых факторов (институции, персоны, тексты, ситуации), содействовавших формированию «философии правды». Реконструкция комплекса правовых идей произведена на основе философско-исторического исследования в образовательном, научном, мировоззренческом и политическом контекстах. Полученные результаты создают эмпирическую, концептуальную и контекстуальную основу для дальнейших исследований в области философии и права, а также дают материал для образовательных программ в высшей школе.

Ключевые слова: философия, естественное право, истина, правда, философия права, университет, образование, нравственность, мораль, идеология, практическая философия, история идей.

Для цитирования: Ванчугов В. В. «Философия правды» архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского): опыт создания национальной философии права // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 96–107. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-96>.

Original article

«THE PHILOSOPHY OF TRUTH» BY ARCHIMANDRITE GABRIEL (V.N. VOSKRESENSKY): AN EXPERIENCE IN CREATING A NATIONAL PHILOSOPHY OF LAW

V. V. Vanchugov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Abstract. This article presents the creative project of Archimandrite Gabriel (V.N. Voskresensky), a prominent figure of the first half of the 19th century, a theologian, philosopher, and scholarly monk. Archimandrite Gabriel is a key figure for understanding the historical and philosophical process in Russia for several reasons. First and foremost, he created the world's first history of Russian philosophy, creating a new academic genre for his time, «Russian philosophy». But as an intellectual «pioneer» in the historiographical format, he consistently constructed not only a «Russian philosophy» but also a national philosophy of law, known as «philosophical truth». After composing the first «history of Russian philosophy» in Russia (1840), Archimandrite Gabriel undertook the development of a textbook at the Imperial Kazan University, presenting a philosophy of law reflecting the precepts of his time, characterized by the clash of «faith and reason», «conservative and liberal». Adhering to the parameters of historical and philosophical research (revealing the form and essence of ideas in their history, the genealogy of the intellectual process), he reconstructed a creative event, a creative act, dominated by the formation of a nationally oriented philosophy of law, taking into account European experience but favoring its own themes and problems, materials, and methods. This study, conducted using the humanitarian archaeology of key factors influencing the scientific and educational processes of the mid-19th century, explores these factors: higher education, church and state, ideology and education, and the renewal of academic techniques and practices while preserving the values inherent in the national cultural narrative. To achieve these objectives, the principle of «intellectual investigation» is employed, based on historical and philosophical reconstruction and cultural and civilizational hermeneutics. The study presents a set of key factors (institutions, individuals, texts, and situations) that contributed to the formation of a «philosophy of truth». The reconstruction of a set of legal ideas is based on philosophical and historical research in educational, scientific, ideological, and political contexts. The results provide an empirical, conceptual, and contextual basis for further research in philosophy and law, as well as material for educational programs in higher education.

Key words: philosophy, natural law, truth, really, legal philosophy, university, education, morality, ethics, ideology, practical philosophy, history of ideas.

Cite as: Vanchugov, V. V. (2025) [«The Philosophy of Truth» by Archimandrite Gabriel (V.N. Voskresensky): An Experience in Creating a National Philosophy of Law]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 96–107. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-96>.

Введение. Эскурс в академическую тему и идейную проблему

Для понимания сути проделанной архимандритом Гавриилом работы, представленной на суд отечественной ученой публики как русифицированная философия права, а именно – «философия правды», необходимо выявить основные эпизоды историко-философского процесса в политическом контексте, сопоставляя действия ключевых игроков того времени, представляющих как светские, так и духовные инстанции, как бюрократическую машину, так и академическое сообщество.

С введением нового Устава попечители округов, следуя указаниям министра народного просвещения С. С. Уварова, требовали от профессоров российских императорских университетов подготовки новых учебных пособий, составленных в соответствии с курсом на независимость учебного процесса от иноземного влияния. В Казанском университете по новому Уставу учебный процесс разрешено было перестроить – из-за нехватки кадров и большого объема работ, связанных с обновлением учебно-методического материала, – с отсрочкой на два года. Среди взявшихся за дело преобразования университетской жизни оказался и настоятель Казанского Зилантова монастыря магистр богословия архимандрит Гаври-

ил (В. Н. Воскресенский), получивший в свое распоряжение две кафедры: богословия и философии. К 1840 году он подготовил для своих студентов четырехтомное пособие по истории философии. Далее, в ежегодном информационно-аналитическом отчете «Известия об ученых и литературных трудах профессоров и прочих преподавателей в учебных заведениях Министерства народного просвещения за 1843 год» сообщалось, что архимандрит Гавриил, преподаватель богословия и философии, опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» статью «Философия правды» и написал сочинение «О церковном праве» [2, С. 263].

Важно также учесть для контекстуальной реконструкции события и выявления доминантного смысла, что в только что созданном ведомственном «Журнале Министерства народного просвещения», где извещалось не только о новом министре, но и сообщалось высочайшее повеление по отношению к естественному праву, из которого следовало приостановить его преподавание впредь до издания надлежащего руководства [3, С. 104]. Для понимания сути как этого частного события, так и всего процесса в области отечественной философско-правовой мысли, следует осуществить экскурс в прошлое, реконструкцию процесса в институциональном и пер-

сональном аспектах, с учетом комплекса решающих факторов, от сугубо философских (академических), до формально внешних, административно-политических. Отношение к философии права, точнее, на тот момент, «праву естественному», дает много материала для понимания становления как правоведения в России, так и философии.

Начать отчет можно с упоминания И. Б. Стржемень-Стройновского, имевшего отношение к Виленскому университету, составившего руководство в четырех частях «*Nauka prawa*» (на польском языке), которое у нас перевели и издали в С.-Петербурге 1809 г. под названием «Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов». Затем публикуются тексты уже российских авторов, как правило, компилятивные, что было почти нормативным для того времени. В частности, Захарий Аникеевич Горюшкин, исполняющий обязанности ординарного профессора юридического факультета Московского университета, после вынужденного оставления работы все же не оставляет своего дела, и завершает свое «Руководство к познанию Российского Законодательства», представив его в четырех частях в течение 1811–1816 годов. К этому времени Лодий перевел с немецкого «Частное естественное право» венского профессора Цейлера, изданное в 1809 г. в Петербурге, с посвящением Александру I. Затем появилось сочинение надворного советника Ивана Мокеевича Наумова, представителя не мира науки, а адвокатской практики, основателя «Дома практического правоведения» (Москва). Из-под его пера вышел труд «Начертание Естественного Права», определяемое им как принадлежащее к первой части «Прикладного правоведения для граждан» (1808).

Также в этом деле – просветительной компиляции – проявил себя Лев Алексеевич Цветаев – выпускник, последовательно, Славяно-греко-латинской академии, Московского университета, получивший в Геттингене степень доктора философии. В 1816 г. он напечатал «Первые начала права естественного», в предисловии к которым сразу же предупредил читателей, что книга его есть ни что иное, как выдержки из Шмальца и Буле, с некоторыми отступлениями от их плана и мнений. Следующая работа также принадлежит московскому профессору, декану нравственно-политического отделения университета, однако появилась она в другом месте и посмертно, – работа Филиппа Христиана Рейнгарда, с названием, отражающим структуру текста: «Естественное право, содержащее в себе: 1) собственно так называемое естественное право чистое, 2) право прикладное, т. е.: право частное, публичное и народное» (Казань, 1816). Здесь

российские читатели могли ознакомиться не только с его толкованием «права естественного» в многообразии его отношений к праву положительному, но и пройти по основным разделам его истории, от древнейших времен до современности, включая последователей Канта.

Как итог – в эпоху Александра I, возобновившего практику синхронизации жизни с Европой, в России создаются условия для функционирования философии права, прежде всего в формировании корпуса учебных текстов и методических материалов.

Превращение философии права в общественную проблему

Возникает несколько «скандалов», в центре которых оказываются авторы, рассуждающие на тему естественного права. В частности, это коснулось профессора философии Иогана Баптиста Шада, преподававшего с 1804 года – по приглашению российского правительства – в Харьковском императорском университете. Он читал полный курс лекций по философии, был деканом нравственно-политического отделения, подготовил пособие по «Установлению естественного права». Однако в 1816 году в распоряжении министра народного просвещения А. К. Разумовского оказывается два донесения. Согласно первому анонимному сообщению, в научных и учебных трудах Шада можно найти свидетельства о его превратных представлениях о христианской вере и морали. Из второго послания следовало, что в трактате «*Institutiones juris naturae*» содержатся рассуждения, не соответствующие самим основаниям российских законов и учреждений, и что автор позволяет себе многие вольности, пускаясь в рассуждения о праве личности свободно мыслить и действовать, а касаясь личности государя, затрагивать темы его прав и обязанностей, что в целом слишком напоминает печально известные многим разглагольствования в республиканском духе. В итоге министром принято решение «изъять книгу из употребления», а после представления А. Н. Голицыным дела в Комитет министров, профессор Шад уволен от всех дел без суда и следствия, выслан из России, где все его книги должны быть изъяты из публичного употребления и истреблены. В итоге уже 8 декабря Шад, прибывший к нам не так давно по приглашению правительства, по его же распоряжению вынужден стремительно и бесславно покинуть пределы России.

Следующим «анти-героем» для чиновников той поры стал уже наш, отечественный мыслитель, столичный профессор А. П. Куницын. История начиналась здесь сначала в приятном для автора направлении: директор Царскосельского лицея гене-

рал Е. А. Энгельгардт обратился к А. Н. Голицыну с просьбой поднести Александру I экземпляр только что вышедшей книги Куницына «Право естественное». Следуя протоколу, кн. Голицын отправил текст в Ученый комитет, член которого, академик Н. И. Фус, одобрил сочинение, но Д. П. Рунич, попечитель Петербургского учебного округа, имел другое мнение об авторе. Он направил в Ученый комитет «записку», в которой заявлял, что книга Куницына есть ничто иное как «сбор пагубных умствований» в духе Руссо, с которого введена была в моду болтовня на тему «прав человека и гражданина». Ученый комитет постановил изъять книгу не только из всех библиотек, но и от частных лиц, обратить внимание на преподавание естественного права, вытребовать руководства по этому предмету от всех учебных заведений и составить одинаковое обязательное руководство для всех [3, С. 103].

Рунич и Магницкий, занятые в это время освобождением России от всякого рода тлетворного влияния в области мысли, доказывая очевидную для них ничтожность «мнимой науки естественного права», настаивали на безусловном запрещении ее, за изъятие из системы обучения во всех государственных и частных учреждениях [13, С. 17].

М. Л. Магницкий, прибывший с финансово-политической ревизией в Казанский университет, вскрыл в нем, помимо прочих упущений, и превратные толкования с университетской кафедры по части естественного права, допущенные профессором Гавриилом Солнцевым, распространявшего в лекциях дух вольнодумства и «лжемудрия», республиканские идеи, опровергающего все основания общества и церкви [3, С. 103]. В итоге Магницкий предписал предать правоведа университетскому суду, который продолжался с 1821 по 1823 годы. Профессора Тимьянский и Городчанинов (последний, среди прочего, автор благочестивого, но никак не научного сочинения «Мнение христианина о естественном праве») получили в свое распоряжение рукописный текст под названием «Начальные основания естественного частного, публичного и народного права». Вскоре от них последовал отчет, из которого следовало, что в творении Солнцева присутствуют взаимоисключающие принципы, в совокупности совершенно вредные для верующего разума. Профессор Солнцев получил обвинение из 12 пунктов, в частности, что кроме Св. Писания, этого животворного источника всякого правого дела и истинно духовного знания, он допускает в употребление и естественное право, в основе которого сугубо земные материи и практические интересы. По итогам разборов по пунктам деяний профессора университетский суд приговорил Солнцева к лишению

должности, а также был наложен запрет на преподавательскую деятельность. Университетский суд принял формы «Страшного суда», Солнцев предстал в образе страшного грешника: из обвинений следовало, что профессор повел себя настолько неподобающе, что допустил вливание евангельской истины «в меха ветхие», «вливал драгоценное миро в сосуд оскверненный», а и без того малочисленные «семена пшеницы» разбрасывал между «многими плевелами» [1, С. 267; 6, С. 506].

В 1823 г. министру народного просвещения А. Н. Голицыну попечителем Казанского округа М. Л. Магницким представлена «записка» о необходимости изъятия из университетского преподавания естественного права. После же проверки Казанского университета появилась инструкция Магницкого, которой следовало придерживаться по каждому читаемому в высшей школе курсу. Так, к примеру, преподаватель политического права обязан «с отвращением указать» на суждения Маккиавели и Гоббса; в области истории философии права он должен, воспарив выше Платона и Аристотеля, показать источник их начал в Моисее, Давиде, Соломоне, в пророках и апостолах. Верным помощником Магницкого в деле исправления жизни высшей школы стал Городчанинов, взявшийся ниспровергать теорию естественного права цитатами из Евангелия и сочинений церковных писателей. Выступая против идей равенства, народоправия, обосновывая необходимость и богоподобность монархии и повиновения народа, он изобличал «лжемудрецов» и «лжеучителей», представителей «пагубной системы» именуемой «философской наукой естественного права» [3, С. 103]. В итоге, согласно отчету ректора Фукса за 1826/27 учебный год, «в науках политических» Казанский университет преподает науку естественного права в «обличительном смысле», употребляя как можно более времени на изучение законодательства и судопроизводства отечественного.

Таким образом, эпоха Александра I оказалась сначала продуктивной для формирования философии права в России, но привела и к комплексу проблем, чрезвычайно затруднивших как научные исследования, так и образовательный процесс в этом направлении. Мистическое умонастроение, овладевшее императором, переоценка ценностей, погружение в «правильно понятое» христианство, побуждали верноподанных усматривать в продуктах эпохи Просвещения причины общественных беспорядков и личных неурядиц. И в реестр неблагоугодных состояний ума попала такая интеллектуальная практика, как философия права, точнее, «право естественное». Взятая сначала на вооружение в деле европеизации страны, с переменой умонастроения высшего руководства, философия

права вскоре подвергается реформатированию. Неудивительно, что в свете последних событий – изгнание Шада из Харьковского университета, суд против Куницына в столице, – многие занимали выжидательную позицию. Например, Дмитрий Ефимович Василевский, в 1822 г. назначенный на кафедру права естественного, политического и народного Московского университета, никаких пособий не издавал. Если с ноября 1823 г. на нравственно-политическом отделении университета проходились две философско-юридические дисциплины: естественное право и энциклопедия права, то с осени 1829 г. преподавалась уже только последняя, под названием «обозрение прав европейских народов», а первое отменили, отложив принятие решения «до введения нового Устава сего преподавания» [3, С. 104].

Далее философско-правовые события происходят в эпоху Николая I, для которой характерен консервативный поворот, олицетворяемый в виде охранительных начал во всех сферах жизни, включая образовательный и научный процесс. За решение проблемы в виде «права естественного» взялась специальная комиссия, назначенная по высочайшему распоряжению. Один из ее представителей (граф С. Г. Строганов) также намерен запретить преподавание в Московском университете естественного права, с 1804 года являющегося одним из основных предметов нравственно-политического факультета. Он просит министра народного просвещения С. С. Уварова рекомендовать профессорам юридического факультета раскрывать «абсурдность теорий», на которых зиждется наука естественного права. 23 апреля 1833 г. относительно преподавания естественного права обнародовано высочайшее повеление, из которого следовало, что его преподавание нежелательно до тех пор, пока отечественные университеты не будут снабжены особым руководством, одобренным правительством. Также указ ставил академическое сообщество в известность, что в планах правительства формирование, под председательством статс-секретаря Балугьянского, особого комитета из профессоров. Составление «правильного», соответствующего духу времени руководства было возложено на профессоров Главного педагогического института Бессера, Фишера и Штекгардта [3, С. 104].

Чтобы противодействовать распространению тлетворных идей, проникающих к нам с Запада, следовало ввести преподавание «здравых начал» естественного права, и профессор Адам Фишер по этому поводу написал в «Журнал Министерства народного просвещения» свои соображения «О новейшем естественном праве». Уже самое начало статьи показывало, что дело Рунича и Магницкого, начатое при императоре Александре I, будет продолжено самым решитель-

ным образом при Николае I: «Исступление метафизического фанатизма, овладевшее умами философов в прошедшем столетии, породило между прочими химерическими отвлеченностями и науку естественного и политического права» [10, С. 1].

Однако обещанного здесь продолжения сочинения читатели «Журнала министерства народного просвещения» так и не получили. 8 октября 1835 года только что созданный для составления нового «руководства» Комитет упразднили, исходя из того основания, что по новому университетскому Уставу кафедра естественного права ликвидирована. При этом министр народного просвещения испросил у императора соизволения преподавания естественного права «вкратце», что можно с удобством отнести к курсу нравственной философии, благодаря чему совершенно изменится и все направление идей, и обеспечится польза преподавания. В итоге, после недолгого распространения в университетской среде, естественное право оказалось у нас под запретом [3, С. 104]. По университетскому Уставу в числе обязательных предметов указана уже «энциклопедия права», от которой ожидают исключительно общего обозрения систем законоведений.

Независимо от набора дисциплин после Устава 1835 года, уровень преподавания на юридическом факультете Казанского университета оставлял желать лучшего. 24 июня 1837 г. на заседании Совета университета рассмотрели новый учебный план, согласно которому на юридическом факультете учреждалось семь кафедр: энциклопедии прав и государственных учреждений; римского законоведения с его историей; гражданских законов; законов благоустройства и благочиния; законов о государственных повинностях и финансах; кафедра законов полицейских и уголовных; начал общественного правоведения. При этом, как и прежде, остро ощущалась нехватка кадров, временно устраняемая привлечением иностранцев (Г. Б. Винтер, Г. Л. Фогель, Л. Ф. Камбек). Впрочем, они же, решая одни проблемы, создавали другие. Исправить ситуацию можно было только опираясь на собственные, отечественные кадры, национально ориентированные умы. Среди таковых и оказался «ученый монах» архимандрит Гавриил, приглашенный в Казанский университет в качестве богослова, философа и правоведа.

Отечественный аналог европейской философии права – «философия правды»

Именно в таких непростых условиях архимандрит Гавриил берется за разработку проблем философии и права. С одной стороны, в его окружении очень посредственный – по научным и педагогическим параметрам – коллектив преподавателей юридического

факультета Казанского университета. Находящийся на периферии российской империи, он не обладал достаточными ресурсами, чтобы формировать штат из достойных кадров, довольствуясь тем, что находилось на местах. Квалифицированных кадров было мало. При этом многим из них памятна ревизия, устроенная М. Л. Магницким, в толковании которого естественное право предстало россиянам как «исчадие ада». С другой стороны, большинство из них подавлены требованием со стороны руководства в кратчайшие сроки обновить учебные пособия или представить новые, не допустив при этом неверных толкований, как это было сделано – не злонамеренно, а из лучших побуждений – Солнцевым в Казани, или Куницыным в столице.

И архимандрит Гавриил проявил себя, соответственно месту и времени, с лучшей стороны: он представил общественности свой труд «Философия правды», появившийся сначала в университетском журнале, а затем и отдельным текстом [5], переизданным мною с комментариями в 2005 году в Российском университете дружбы народов. 6 февраля 1841 г. С. С. Уваров потребовал от попечителя Казанского учебного округа сведений о необходимости каких-либо изменений в распределении предметов по отделениям наук, согласно с опытом местного университета. Через месяц тот изложил мнение университетского Совета: чтобы не обременять студентов, перегруженных множеством предметов из разных областей знания, им предполагается читать из философии только психологию и нравственную философию, причем с особым отношением нравственной философии к праву в целом [7, С. 323]. Так что в задуманной пособии по философии права архимандрит Гавриил исходил, безусловно, из новых распоряжений университетского начальства, торопясь с отчетом своего «опыта» встраивания практической (моральной) философии к праву.

«Философия правды» архимандрита Гавриила в общем и в частности разворачивалась согласно духу его времени. Здесь учтены были, с одной стороны, все страхи начальства перед «правом естественным», с другой стороны, студенты получили компактное пособие: «Философию правды» объемом 68 страниц. Текст был разбит на 117 параграфов, содержащих рассуждения профессора кафедры богословия и философии о собственности, различных формах ее приращения и обмена, о способах правления, недостатках и слабостях каждой из них, в том числе демократии; рассуждения о праве, видах отношений в «домашнем обществе»; супружеских, родительских, слуго-господских и так далее [2, С. 261]. Архимандрит Гавриил, профессор университета и одновременно настоятель монастыря, исходит из положения, что право

должно исходить из единства своего с религиозной верой и нравственностью, в противном же случае все закончится печально для человечества, как то было уже, к примеру, во Франции, где разрыв «между нравовучением и правом» привел к революции и последовавшим затем страданиям [3, С. 7]. В итоге студент юридического факультета Казанского университета получал такое представление об этой сфере деятельности: право, во-первых, «есть религиозная идея ума, отображение живой веры в Бога... первообраз всякой истины и справедливости. Посему религиозное верование есть истинная основа права и порядка между людьми и народами»; во-вторых, оно есть «нравственная идея, носящая в себе образ правомерности Божественной и действующей внутренне на совесть человека и его деятельность» [3, С. 10].

Определившись с правом в целом, следовало уловить нюансы собственно «философии правды». «Философию правды» следует понимать как науку о вечных законах справедливости в наших мыслях, действиях и поступках, и о приложении сих законов к местным и временным обстоятельствам, под влиянием коих они получают свой вид и определенный образ развития» (§ 1). Если положительная наука права занята развитием положений одного государства или ограниченного периода времени, то «философия правды» «есть наука о коренных, выведенных из природы человека правах, не исключая никакого народа, принадлежит всему роду человеческому» (§ 4). На естественный вопрос зачем «философия правды» правоведу архимандрит Гавриил приводит два довода: во-первых, только она дает «правоведцу» основательность, позволяющую судить о деле тонко; во-вторых, всякое законодательство должно основываться на сущности человека и согласовываться с вечными законами справедливости, которыми и занимается «философия правды» [2, С. 262].

Созданная в противовес европейской «философии права» «философия правды» архимандрита Гавриила пронизывает «светом» высшего разума все аспекты повседневности. Много внимания, к примеру, уделяет автор проблемам в области финансов. Следует отметить, что будучи настоятелем монастыря, архимандрит Гавриил проявил себя как рачительный хозяин, умело используя вверенное ему имущество, приумножив братский капитал, отдавая в аренду купцам складские помещения. Например, § 48 посвящен ответу на вопрос «Не противоречит ли правде требование процентов?». Студентам пояснялось, что при отсутствии «лихоимства» (ростовщичества), требование процентов не противоречит идее права, что в случае, когда деньги или взятые в оборот вещи приносят плоды, то и кредитор имеет право рассчитывать на эти «плоды»,

а не только взявший в долг: как за выгоды от выданного займа, так и за все те опасности, которым подвергается его капитал. Определившись с качественной стороной ситуации и процесса, архимандрит Гавриил переходит к теме (§ 49) количества процентов. Здесь выясняется, что «по началам философии» никак невозможно определить, сколько полагается требовать процентов от должника, держа в уме морально-правовое соображение, что проценты, которые выгодны исключительно кредитору и убыточны должнику, безусловно можно считать противозаконными. Также следует обратить внимание на определение лихоимства (§ 51), как распространенного явления в России. К лихоимству архимандрит Гавриил относит требование таких процентов, при которых в выгоде остается исключительно кредитор. Эти и другие сюжеты из реальной жизни позволяют настоятелю монастыря и профессору университета показать проблематику бытия в тематике повседневности, научить правильному образу жизни и способу мышления в согласии с верой и разумом, христианством /православием/ и философией /любомудрием/.

«Философия правды» архимандрита Гавриила как по форме, так и по содержанию, большей частью представляет собою изложение норм и положений из права земельного, уголовного, гражданского, из разбора имущественных отношений, отношений церкви и государства, с краткими экскурсами в историю государства и теорию права, домостроительство отдельного человека. За «истинную основу» его философско-правового нарратива взято «религиозное верование», учение церкви, церковное предание. По ходу повествования о правовых ситуациях он то и дело дает изложение точек зрения Локка, Монтескье, Руссо, вводя в обиход мыслителей нового и новейшего времени. Однако изложение неоднородно, избирательно, а в случае с Гегелем даже чрезмерно кратко и критично. В частности, при упоминании Гегеля им особо отмечено, что его философия права воздвигнута «на пантеистических основаниях». Здесь следует отметить, что о его философии права Гегеля он упоминал и в четвертом томе своей истории философии, публикуемой в 1839–40 гг., и также кратко и критично.

Что касается самой сути «философия правды», то архимандрит Гавриил декларирует ее как истинную науку о вечных законах справедливости, справедливости, законосообразно проявляемой в мыслях, действиях и поступках человека, включая и такой аспект, как преломление всеобщих законов в пространственно-временной определенности, в событиях места и времени, отчего они приобретают местный колорит, специфику, свой особый вид и определенный образ

развития. Что же касается сущности самой науки, точнее, ее структуры, «Философия правды» определяется как умозрительная «наука о правде», с подразделением на всеобщую и частную. Далее, в отличие от положительного права, где правоведы фиксируют лишь историческое развитие и представление законов, инициированных государством, продуцируемых в определенное время, на конкретной территории, «философия правды» являет собой высшую и чистую науку об основополагающих правах, выведенных из природы человека, единых для всего без исключения рода человеческого. Таким образом, «философия правды» есть как бы совершенная философия права, поскольку опирается на философию как учение, гарантированно ведущее к истинному богопознанию. Это то, что лучше обозначать как любомудрие, как то, что позволяет правильно образованному человеку во всем усматривать проявление не формального «абсолютного духа», а высшего существа, духа живого и истинного. Таким образом, архимандрит Гавриил готовит пособие, именуемое «философией правды», позволяющее для спасения души использовать, среди прочего, и юридически-правовую сферу.

Далее остается разобраться, почему архимандрит Гавриил предпочитает словосочетание «философия правды», а не использует привычную академическую номенклатуру «философия права»? С одной стороны, потому что «философия права» ассоциируется с «правом естественным», которое в его время трактуется как учение потенциально противное духу христианства и основам российской государственности. С другой стороны, следует обратить внимание и на содержательный момент. Для этого необходимо сопоставить пособие архимандрита Гавриила с проделанной им прежде работой. Отправной точкой здесь будет, безусловно, его «Русская философия», «сконструированная» в 1839–1840 гг.

В ней обращает на себя внимание привлечение автором – в качестве философского материала – значительного числа представителей правоведения. Например, в примечании к § 146 «Русской философии» мы читаем, что М. М. Сперанский проявил в своей жизни и творчестве «высоту любомудрия в составе, разделах и связи государственных узаконений» [4, С. 26]. А чем занимался в указанное время Сперанский, привлеченный архимандритом Гавриилом при написании первой в России истории русской философии в качестве соответствующего «материала»?

Сперанский возглавил (неформально, «без поста и чина») Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и под его руководством к 1830 г. было составлено «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах, а в 1832 г.

опубликован 15-томный «Свод законов». Но для обнаружения отмеченной архимандритом Гавриилом «высоты любомудрия» нам следует обратить внимание на другое направление деятельности Сперанского: в течение нескольких лет он вел «юридические беседы» с наследником престола, будущим императором Александром II, после чего ему (в 1837 г.) поручили написать руководство по изучению отечественных законов для юношества. Сперанский приступил к работе, не успев довести задуманное до конца по причине смерти. Начиналось «Руководство» с главы «О правде», где во втором разделе («Силы совести») и пояснялась «правда»: «Совесть или молчит, т. е. не действует, или говорит правду. Она может заблуждать вместе с разумом, т. е. не знать истины, но лгать самой себе она не может. Она по природе своей всегда правдива. Суд совести и правда его одни могут примирить вражду внутреннюю и внешнюю. Правда уравнивает две силы противоположные: личность и общение, самолюбие и любовь». Вверх от правды восходит духовная лестница нравственного достоинства, а вниз ведут ступени лестницы всевозможных пороков, нравственного падения. Если человек преуспевает в добродетели, то дух его от «правды человеческой» возвышается к «правде Божией», к святости, к высшему единству союзного бытия его; и наоборот, по мере того как человек погружается в пороки, он нисходит от правды человеческой в «кромешную неправду». Есть две силы, две власти, укрепляющие правду: сила внутренняя (религия) и сила внешняя («общежителное законодательство») [12, С. 15].

Эта работа Сперанского является, по сути, философией права, где вся философия основана на первоначальном значении религии. Однако архимандрит Гавриил, отметив своих предшественников среди соотечественников, о Сперанском в «Философии правды», хотя бы кратко, как в «Русской философии», не упомянул. Впрочем, он и не мог знать его рассуждений о «правде», опубликованных двумя годами позже выхода в свет собственного сочинения. Значит он получил представление о «правде» Сперанского через другой источник. Кого он упомянул в своей «Философии правды»? Во-первых, Горюхинова, основавшего философию права «на библейских началах» и положения этой науки «подтвердившего Св. Писанием» [11, С. 9–10]. Впрочем, ничего близкого там к идеям Сперанского мы не найдем, только благочестивую демагогию в духе Рунича и Магницкого. Также архимандрит Гавриил выделил в «Философии правды» рукописи казанцев Солнцева и Сергеева, а в Петербургском университете – Адама Фишера, своевременно отметившегося статьей «О новейшем естественном праве».

Г. И. Солнцеву архимандрит Гавриил посвятил также обширный параграф «Русской философии» (§ 163), обозначив его как «философа-юриста», выбирая из его сочинения места наиболее «актуальные», а именно – обоснование естественности и разумности самодержавия (§ 314): «Самый древний, с природою человеческою более согласный по составу своему, простейший и самим Богом предоставленный образ правления есть монархический. Древность единоначального правления доказывается как книгами святого писания, так и светскими свидетельствами». Также узнаем из признаний архимандрита Гавриила, что ему были доступны рукописи сочинений Гавриила Солнцева: 1) историческо-юридический трактат а) о правоведении и законах вообще относительно начального оных происхождения и постепенного хода; б) о законодательстве, как древних, так и новейших, в особенности знатнейших народов; в) юридическая энциклопедия и методология; 2) начальные основания римского гражданского права; 3) основания общего уголовного германского права; 4) объясненная теория уголовного права Грельмана; 5) краткое обозрение российского законодательства; 6) монограммы науки римского частного гражданского права; 7) наставления римского гражданского права, древностями объясненаго; 8) естественное частное, публичное и народное право Фюнке, которое Солнцев, по поручению начальства, исправил и издал в свет в пользу русских инвалидов; 9) два тома в листобъяснений на систему естественного права» [4, С. 100]. Далее в «Русской философии» была дана огромная выписка, в свете «Философии правды» подтверждающая полномочия архимандрита Гавриила рассуждать со студентами на темы правоведения.

Обращает на себя внимание пояснение автора – «два тома в лист объяснений на систему естественного права». Что здесь имеется в виду? Дело в том, что Магницкий потребовал в 1821 г. от Г. И. Солнцева «тетрадки» (конспекты) по читаемому им курсу естественного права. Тот предоставил начальству конспект лекций, с которого была сделана копия. С этими записями и ознакомился архимандрит Гавриил, составляя свою историю русской философии. Только вот отлученный Магницким от профессорской службы Г. И. Солнцев стал губернским прокурором, а профессор архимандрит Гавриил вошел, исправляя учебный процесс по новому Уставу, в область права и опубликовал «Философию правды». Однако и у Солнцева мы не находим того, что можно отнести к «правде» в том толковании, что обнаруживаем у архимандрита Гавриила, а еще ранее у Сперанского.

Также архимандрит Гавриил указывает в «Философии правды» на «замечательные системы» П. Д. Ло-

дия и особенно К. Н. Неволлина. У первого есть работа «Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве», опубликованная в 1828 г., в канун его смерти. В Петербургском университете Лодий читал теорию общих прав, руководствуясь архаичными воззрениями последователей вольфианской школы, особенно Цейлера и Мартини, так что вряд ли он мог навести архимандрита Гавриила на философическое толкование «правды». В итоге нам остается обратить пристальное внимание на К. А. Неволлина, потому как своему интеллектуальному становлению он был во многом обязан новаторскому нововведению Сперанского. Еще в 1828 г. тот обратил внимание императора на слабость наших университетов в деле изучения права. Для решения проблемы организовали вскорости подготовку новых профессоров права на основе Второго отделения, для чего из Петербургской и Московской духовных академий решено было «заимствовать» по три лучших студента. Общее обучение для отобранных в своеобразную «юридическую школу» Сперанского предполагалось продолжить в столичном университете, но основной площадкой стало Второе отделение. Стараниями Сперанского было достигнуто определенное сочетание теоретического и практического обучения. Студенты должны были слушать, среди прочего, и уроки российского гражданского права у отмеченного в самом начале статьи Куницына, пострадавшего за свое «Право естественное». Но Магницкого отстранили от дел, а Куницын снова учил студентов праву. Среди выбранных для обучения оказался и Неволлин, который с другими «академистами» должен был с весны 1828 г. начать занятия под руководством статс-секретаря Балугьянского, по плану, выработанному Сперанским.

Через год им устроили испытание, после командировали в Берлинский университет, где в течение трех лет, под руководством Савиньи, занимались энциклопедией и философией права, историей и теорией государственного права, правами римским, германским, прусским и европейским международным. По возвращении Неволлина прикомандировали ко II отделению для изучения свода законов, в начале 1834 г. он приступил к экзамену на степень доктора на философско-юридическом факультете, и вскоре назначен профессором энциклопедии права и учреждений Российской империи в новом университете в Киеве – университете Св. Владимира. И вот если заглянуть в труд Неволлина, которого архимандрит Гавриил упомянул в своей книге без указания его сочинения «Энциклопедия законоведения» (1839–1840), то узнаем, что по существу своему закон есть: «1) вообще правда. Он или выражает ее требования,

или устанавливает меры для исполнения сих требований на самом деле. Но 2) определенный образ бытия правды в существах, к ней способных, суть обязанности и права» и далее: «Точным и твердым образом существо правды может быть определено только в философии» [9, С. 20].

Таким образом, суть закона составляет правда, с чем согласен и архимандрит Гавриил, который взявшись за философию законоведения, вывел в название своего пособия «правду». Архимандрит Гавриил использует термин, который давно уже был «рабочим» среди российских правоведов с древнейших времен. На какое-то время он стал периферийным, однако в эпоху опоры на собственные начала, в согласии с консервативным поворотом, стал снова востребованным. Так что архимандрит Гавриил уместно использовал архаичный (в техническом отношении) термин, но метафизически содержательный, в своем процессе модернизации естественного права.

Также следует отметить, что в какой-то мере «Философия правды» архимандрита Гавриила написана «по мотивам» «Энциклопедии законоведения» Неволлина, что обусловлено было потребностью быстро составить краткое пособие для своих студентов, и ничего принципиально нового она не содержала. При этом нам становится теперь понятно, что та трактовка «правды», которая была у Сперанского, дошла до архимандрита Гавриила (не напрямую, а опосредованно и в усеченном виде) через систематический труд Неволлина. Также стоит особо отметить, что в это время у нас не был в ходу термин «философия права». Неволлин хотя и был среди слушателей лекций Гегеля, свой труд назвал иначе «Энциклопедия законоведения», хотя справедливо И. В. Михайловский характеризовал Неволлина как основателя философии права в России [8, С. 36]. Но архимандрит Гавриил своей книгой, самым ее названием «Философия правды» подчеркнул философскую (в его, конечно, богословском понимании) компоненту права, в силу своеобразия своего, предпочтя термин «правда», как выражение высшего типа истинного положения вещей в мире видимом и невидимом. Однако труд настоятеля монастыря и профессора Казанского университета остался в ту пору едва замеченным в академическом сообществе, чему способствовали внешние неблагоприятные условия, проявившиеся в давлении на философию в целом со стороны правительства.

Итоги

Если ретроспективно воспринимать «Энциклопедию законоведения» К. А. Неволлина как текст, сконструированный по европейским канонам, то «Философия правды» архимандрита Гавриила видится уже

как разрыв с канонами. Это своеобразная антитеза философии права, установка на формирование отечественной, правильной философии права, соответственно и именуемой в согласии с духом времени: «философия правды». Оставляя в стороне детальный разбор того, что было задумано и что сделано автором, мы отметим лишь основные моменты из творческого эпизода архимандрита Гавриила. Его работа безусловно не просто «душеспасительная» /как того хотел бы Рунич, Магницкий и прочие/, но и элементарно полезная, прежде всего применительно к учебному процессу, содержащая в популярном формате рассуждения богослова на темы, которые уже основательно разработали философы и правоведы. Как мы уже указывали выше, Магницкий предал университетскому суду профессора Солнцева за преподавание естественного права «на разрушительных началах». По докладу Тимьянского и Городчанинова университетский суд обвинил Солнцева в том, что он начала естественного права выводит из здравого разума человеческого, а не из Евангелия. Профессор архимандрит Гавриил сделал как раз наоборот: начала естественного права вывел из Евангелия, а не из «здравого разума человеческого». И если в период разгула Магницкого, когда вместо «языческого» римского права следовало преподавать право христианское, для переформатирования естественного права Городчанинов и написал в Казани «Мнение христианина о праве естественном», то теперь архимандрит Гавриил предложил свою версию естественного права, издав «Философию правды».

Философии здесь, следует отметить, по минимуму. Она представлена здесь в его понимании, как любомудрие, как форма богопознания. Мы найдем здесь тот же тип мудрствования, который виден в историческом развитии на страницах «русской философии», представленной на суд публики в 1840 году. Но если «Русской философией» автор всех опередил, был и формально, и содержательно, «оригинален», то в «Философии правды» он просто повторил общие места, причем большей частью, не желая того, в духе М. Л. Магницкого, хотя и без фанатизма последнего, равно как и без глубокого философизма и юридического схематизма К. А. Неволлина. В «Философии правды» архимандрита Гавриила осталось главное (но не нашедшее тогда «удачной» реализации) из эпохи Магницкого: естественное право должно сиять сверхестественным светом, потому как подобное право всего лишь отражает евангельские истины. И если с точки зрения правоведа «философия правды» архимандрита Гавриила есть, метафорически выражаясь, шаг назад, и он не без оснований посмотрит на эту книжицу как на сомнительную, маргинальную «фи-

лософию права», то в контексте творчества архимандрита Гавриила мы можем отметить и положительный момент: автор демонстрирует чрезвычайную последовательность, идет вперед, действуя в области правоведения на основании собственных аксиом, взятых из Св. Писания.

Также необходимо подчеркнуть, что нам не следует забывать про условия времени и обстоятельства работы архимандрита Гавриила: он имел дело со студентом императорского университета, которого следовало направить на путь истинный, согласовываясь как прямо, так и косвенно, с установками Лобачевского (ректора), Мусина-Пушкина (попечителя округа), Уварова (министра народного просвещения), исполняющих волю и воплощающих разум императора России Николая I. Профессор кафедры философии и богословия, архимандрит Гавриил был всего лишь промежуточной инстанцией, передаточным звеном механизма, покорно исполняющего распоряжения власти, используя интеллектуальный материал из круга гуманитарного знания. И как звено уже другой цепи, церковной, он также приучен был прежде всего к ревностному служению, а не самостоятельности через вольные рассуждения в области права. Как настоятель монастыря, он все время ощущал на себе пристальное внимание со стороны архиепископа, за которым следил Синод собрание иерархов под руководством обер-прокурора, и тем самым все они находились под надзором императора, помазанника Божьего, распоряжающегося от имени Всевышнего.

Как элемент первой, учебной и светской структуры, архимандрит Гавриил был проводником «охранительных начал»; как представитель духовной инстанции, – чему бы он ни учил, ему вменялось не упускать из виду главной цели всего существующего: спасения души. И удерживая на периферии нашего сознания все эти исторические, политические, образовательные, религиозные и прочие факторы, мы видим все же главное: ценность труда архимандрита Гавриила. Исходя из собственной версии историко-философского процесса в России, опираясь на комплекс богословских, философских и политических идей, он смог оформить контуры «самобытной» философии права, предполагая в дальнейшем развернуть систему в серии публикаций соответствующей тематики. Проект, по независящим от него обстоятельствам не был реализован, однако само начало его дает нам много ценного материала. Прежде всего, эмпирики для понимания особенностей эволюции философии, ее трансформации в контексте идеологических реалий и образовательных практик времени, определяемого как намеренное дистанцирование от «иноземного» ради обретения интеллектуальной самостоятельности.

Литература

1. Булич Н. Н. Университетский суд над проф. Солнцевым во время попечительства Магницкого // Ученые записки Казанского университета, 1864. Отделение историко-филологических наук. Вып. 1. Казань, 1866. – С. 267–288.
2. Ванчугов В. В. Архимандрит Гавриил (Воскресенский), профессор философии Казанского университета // Историко-философский ежегодник. – 2015. – С. 243–267. – EDN: YLYJJA.
3. Ванчугов В. В. Идеологический эпизод в истории русской философии // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 4. – С. 95–106. – EDN: VVGAON.
4. Гавриил, архим. Русская философия. Казань: университетская типография, 1840. – 159 с.
5. Гавриил, архим. Философия правды. Казань: университетская типография, 1843. – 64 с.
6. Загоскин Н. П. История Казанского университета // Н. П. Загоскин История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. III. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1903. – С. 506–541.
7. Залеский В. Ф. К столетию Императорского Казанского университета (1804–1904) // Журнал министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1905. Ч. CCCL. – С. 41–130, 306–369.
8. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. I. – Томск: В.М. Посохин, 1914. – 604 с.
9. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Том 1. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. – СПб.: тип. Э. Праца, 1857. – 501 с.
10. О Новейшем Естественном Праве. Статья 1-я (Орд. Проф. С. Петербургского Университета А. Фишера) // Журнал министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1836. Ч. IX. – С. 25–44.
11. Рассуждение о превосходстве Библейского и Св. Отцов красноречия над витийством древних языческих писателей, говоренное в Торжественном собрании Императорского Казанского университета Июля 5-го дня 1820 года П. О. Профессором Красноречия, Стихотворства и языка Российского Григорьем Городчаниновым // Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском Университете. Часть I. Книжка I. Генварь, 1821 года. – С. 45–69.
12. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. – СПб.: тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. – 171 с.
13. Феокистов Е. Магницкий: Материалы по истории просвещения в России. – СПб., 1865. – Вып. 1. – 227 с.

References

1. Bulich, N. N. (1866) [University trial of Prof. Solntsev during the tutelage of Magnitsky]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta, 1864. Otdeleniye istoriko-filologicheskikh nauk* [Scientific Notes of Kazan University. Dept. of histor.-philological sciences]. Vol. 1. Kazan, pp. 267–288. (In Russ.).
2. Vanchugov, V. V. (2015) [Archimandrite Gabriel (Voskresensky), professor of philosophy at Kazan University]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* [Historical and philosophical yearbook]. pp. 243–267. (In Russ.).
3. Vanchugov, V. V. (2015) [Ideological episode in the history of Russian philosophy]. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism]. Vol. 4, pp. 95–106. (In Russ.).
4. Gabriel, Archimandrite (1840) *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy]. Kazan: University Printing House, 159 p.
5. Gabriel, Archimandrite (1843) *Filosofiya pravdy* [Philosophy of Truth]. Kazan: University Printing House, 64 p.
6. Zagoskin, N. P. (1903) [History of Kazan University]. *N. P. Zagoskin Istoriya Imperatorskago kazanskogo universiteta za pervyye sto let yego sushchestvovaniya, 1804–1904* [History of the Imperial Kazan University for the First Hundred Years of its Existence, 1804–1904]. Vol. III. Kazan: Typo-lithographical Museum of the Imperial Kazan University, pp. 506–541. (In Russ.).
7. Zaleskii, V. F. (1905) [On the Centenary of the Imperial Kazan University (1804-1904)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. SPb.: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk* [Journal of the Ministry of Public Education. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences]. Part CCCL, pp. 41–130, 306–369. (In Russ.).
8. Mikhailovsky, I. V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the Philosophy of Law]. Vol. I. Tomsk: V. M. Posokhin, 604 p.
9. Nevolin, K. A. (1857) *Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 1. Entsiklopediya zakonovedeniya. Vvedeniye v entsiklopediyu zakonovedeniya, obshchaya chast' yeye i pervaya polovina osobennoy chasti* [Complete Works.

Volume 1. Encyclopedia of Jurisprudence. Introduction to the Encyclopedia of Jurisprudence, its General Part and the First Half of the Special Part]. St. Petersburg: E. Prats Publishing House, 501 p.

10. [On the Newest Natural Law. Article 1 (Ord. Prof. of St. Petersburg University A. Fischer)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publishing House (1836). Part IX, pp. 25–44. (In Russ.).

11. [Discourse on the Superiority of Biblical and Holy Fathers' Eloquence over the Rhetoric of Ancient Pagan Writers, Delivered at the Solemn Assembly of the Imperial Kazan University on July 5, 1820, by P. O. Grigory Gorodchaninov, Professor of Eloquence, Poetry, and the Russian Language]. *Rassuzhdeniye o prevoskhodstve Bibleyskogo i Sv. Otsov krasnorechiya nad vitiystvom drevnikh yazycheskikh pisateley, govorennoye v Torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta Iyulya 5-go dnya 1820 goda P. O. Professorom Krasnorechiya, Stikhotvorstva i yazyka Rossiyskogo Grigor'yem Gorodchaninovym* [Kazan Bulletin, published at the Imperial Kazan University]. Part I. Book I. January (1821), pp. 45–69. (In Russ.).

12. Speransky, M. (1845) *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [A Guide to Understanding the Laws]. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of the Proper His Imperial Grand Chancellery, 171 p.

13. Feoktistov, E. (1865) *Magnitskiy: Materialy po istorii prosveshcheniya v Rossii* [Magnitsky: Materials on the History of Education in Russia]. St. Petersburg, Issue 1, 227 p.

Информация об авторе:

Василий Викторович Ванчугов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории русской философии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-2674-6578

e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vasily Viktorovich Vanchugov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0002-2674-6578

e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

The paper was submitted: 01.09.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.